

Последние дни, поскольку он уже мог делать несколько шагов, то часто выходил один во внутренний двор погреться на солнце. Хотя сознание ещё не могло полностью контролировать это тело, чтобы немедленно начать путь укрепления здоровья, но кальций пополнить всегда полезно.

Конечно, пополняя запасы, Цзи Цинбай снова не мог удержаться и опускал взгляд, останавливая его на груди.

Цзи Юй столько лет пролежала, похудела везде, талия стала тонкой, как лист бумаги, но вот эти две выпуклости росли вопреки природе, пышно развивались, намного превосходя средний уровень той эпохи.

Когда служанка принесла лекарство, она увидела, как её госпожа со сложным выражением лица держала обеими руками собственную грудь.

Увидев вошедшую, Цзи Цинбай опустил руки. Служанка, подумав, что ему где-то нехорошо, осторожно спросила.

— Барышня, может, наденете лифчик?

Из-за слабого здоровья и астмы Цзи Юй никогда не носила лифчики, какие носили женщины той эпохи, боясь стеснения.

Цзи Цинбай покачал головой, стараясь игнорировать эту обузу на груди, нахмурился, глядя на чашу с лекарством, и не удержался от вопроса.

— Опять пить?

Служанка сказала с неловкостью.

— Барышня, тело у вас слабое. Этот рецепт госпожа специально выпросила у дворцового лекаря.

Странно сказать: хотя Цзи Мин по своей сути был коварным сановником, способным стать могущественным властителем, но твёрдо шёл путём честного и преданного чиновника. Каждый день, кроме как усердно подавать доклады, уговаривая императора Цзинфэна поменьше убивать людей, он лишь помогал бездарному государю усердно управлять страной и поддерживать порядок.

Цзи Цинбай даже не мог удержаться от подозрений, что в этой жизни его Почтенный Будда, возможно, был внебрачным сыном его дешёвого отца.

Уличные рассказчики наверняка осмелились бы так раздуть...

Пока Цзи Цинбай витал в облаках, служанка рядом снова начала торопить с лекарством.

— Барышня, оно сейчас остынет.

Цзи Цинбай протянул руку, схватил чашу, поднёс к губам, закинул голову и, булькая, выпил. Вытерев губы, он задумался, как же увидеть своего шефа в этой жизни.

Но неожиданно на следующий день из дворца явились люди и прямо подсунули ему подушку, когда он собирался вздремнуть.

— Вдовствующая императрица вызывает меня? — Цзи Цинбай разглядывал стоявшую перед ним маму.

Сразу было видно, что мама прислуживала с детства, возраст выдавал, и когда она улыбалась, морщинки собирались в цветочек. — Госпожа цзюньчжу и император ведь обручены с детства. Раньше, когда госпожа цзюньчжу болела, об этом не вспоминали. Теперь же Небеса прозрели, вы очнулись, и вдовствующая императрица и радуется, и молится богам, торопясь, чтобы вы, госпожа цзюньчжу, явились во дворец и предстали перед её старческими очами.

Цзи Цинбай подумал, что он пришёл помочь своему шефу преодолеть испытание, а не стать ему женой!

Да и императору Цзинфэну уже сколько лет, почему до сих пор не назначена императрица — неужели у матери и сына совсем нет чувства меры?!

Карета наложенного учителя Цзи была весьма скромной, без излишеств вроде четвёрки лошадей в ряд, яшмовой упряжи или золотого кнута. Будучи младшей дочерью главы гражданских чиновников при дворе, даже люди из дворца относились к Цзи Цинбаю очень почтительно. Мама снова болтала без умолку, сплетничая с ним, рассказывая даже, во сколько сегодня встала вдовствующая императрица, что ела в обед, сколько сутр переписала.

Конечно, речь зашла и об императоре Цзинфэне.

В этой жизни его Почтенного Будду звали Тань Чжан, второе имя Цзю Я. Он родился в день встречи Бога Богатства. Говорили, что днём проявилась Полярная звезда, такая яркая, что могла ослепить. Цзи Цинбай не удивился. Он служил Безмерному Почтенному Будде десять тысяч лет, и даже если шеф в месяц с ним не обменивался и тремя фразами, верховный бог Цинбай хорошо изучил некоторые его особенности.

Иначе, будучи великим мудрецом уровня Обитатели Будды, он вообще не удостоил бы других сообщением своего имени и второго имени.

Цзи Цинбай также знал, что его истинная сущность — хаотичный дракон, рождённый в древней пустоте, по-настоящему ровесник неба и земли, сравнимый лишь с несколькими Небесными Владыками, чьи божественные тела уже растворились в земле.

Небесные Владыки давно исчезли, а его Почтенный Будда ныне единственный под небом и на земле, во всех шести мирах.

Думая об этом, Цзи Цинбай снова не мог удержаться и молча вздохнул про себя. Эта подлая птица Бай Чао говорила всякие обидные вещи, но в одном не ошиблась: характер у Почтенного Будды и впрямь отвратительный.

Управляя Безмерностью, он, по крайней мере, обладал безграничной буддийской мудростью, мог сохранять ясность духа. Теперь же, проходя испытание, словно нарушив обеты, естественно, выявил свою истинную природу. Какое-то там сострадание и милосердие к миру для нынешнего императора Цзинфэна Тань Чжана были подобны навозному жуку в дерьме — можно кататься вместе.

Сознание Цзи Цинбая было нестабильным, если много думать — начинала болеть голова. Девушка была нежна и слаба телом, её нежные пальцы поддерживали голову, лицо бледное, только поза была несколько развязной и величественной. Мама хотела сделать замечание, но каждый раз, собираясь открыть рот, видя, как хила Цзи Юй, вновь отступала.

В задние покои проходить через передние залы не требовалось. Сойдя с кареты, пересел в паланкин. Несколько дворцовых слуг осторожно несли Цзи Цинбая. У входа в Чертог Величия Феникса вдовствующей императрицы уже ожидавший евнух подбежал вперёд, склонился и почтительно промолвил.

— Этот слуга приветствует госпожу цзюньчжу.

Через мгновение занавеска паланкина была резко откинута изнутри.

Цзи Цинбай выставил одну ногу, тело его качнулось, и мама рядом тут же поддержала его.

— Ой, госпожа цзюньчжу, — с болью в голосе сказала мама. — Вы только не перенапрягайтесь.

Цзи Цинбай хмуро подумал, что это тело и впрямь слишком слабое. Главное — грудь большая, лифчик сдавливает — дышать нечем!

Ему очень хотелось поддерживать свою грудь при ходьбе, но столько людей вокруг смотрят — не получится.

И тогда Цзи Цинбай серьёзно задумался о целесообразности занятий самосовершенствованием.

Чертог Величия Феникса вдовствующей императрицы оказался не таким большим, как представлял себе Цзи Цинбай: три помещения внутрь и наружу. Днём солнце светило хорошо, в чертоге было тепло. Цзи Цинбая мама привела во внутренние покои. Ему не пришлось становиться на колени для приветствия — его сразу пригласили сесть на кушетку.

Одеяние вдовствующей императрицы также было не особенно торжественным. Её взгляд, устремлённый на него, был исполнен искренней нежности.

— Юйэр, — назвала она его детским именем, и глаза её наполнились слезами. — Ты наконец очнулась.

Цзи Цинбай подумал, что и на небе, и на земле его звали Цзи Юй, Цинбай — его второе имя. Только вот в эту эпоху Да Юань родители, если дети не учились, видимо, не додумывались давать им детские имена.

Вдовствующая императрица не заметила его выражения, вытерла слёзы в уголках глаз и облегчённо вздохнула.

— Твой братец-император, узнав, что ты очнулась, тоже очень обрадовался. Сегодня ты останешься во дворце, составишь мне компанию за трапезой, хорошо?

Цзи Цинбай подумал, что трапеза, наверное, и вправду будет. А вот что Тань Чжан обрадовался из-за его пробуждения — это точно чистейшей воды чушь.

Последние дни, упорядочивая внутренний мир изначального тела, он обнаружил нечто, отчего волосы встали дыбом.

До трёх лет госпожа Цзи не была слабоумной. В день её трёхлетия её вызвали во дворец для пожалования титула цзюньчжу. Вдовствующая императрица очень любила эту малолетнюю девочку и специально издала указ, обручив Цзи Юй с Тань Чжаном.

Цзи Цинбай думал, какая же эта мать предусмотрительная! Должно быть, уже разглядела

сущность своего психованного сына, потому и поспешила обручить с детства, чтобы её Почтенный Будда в будущем не остался в одиночестве.

Жаль только, что материнские мечты были прекрасны, а поступки императора-сына оказались совершенно дьявольским делом.

Четвёртый год Цзинфэна. Позади главного зала Тайхэ ещё росла бамбуковая рощица. Цзи Цинбай, облачённый в туманно-облачную одежду, полученную перед нисхождением в Нижний мир, стоял на бамбуковой ветке. Он принял иллюзорную форму и свободно перемещался во внутреннем мире изначального тела.

Трёхлетнюю Цзи Юй накрыли с головой. Несколько маленьких евнухов бросили её перед бамбуковой рощей, а позади медленно следовали императорские носилки.

Тань Чжан сидел на них с ледяным выражением лица.

Цзи Цинбай со сложными чувствами смотрел на юное лицо своего шефа.

Выйдя за пределы трёх миров, все, кто вступил в бессмертный род, уже считали красоту и уродство человеческих лиц обычными, как всё сущее в мире. Чем выше уровень, тем меньше значения придавали. Поэтому Бай Чао постоянно сохранял облик цапли, не утруждая себя превращениями в человека. И всё же, даже так, те немногие случаи, когда Безмерный Почтенный Будда за десять тысяч лет являлся, по-прежнему восхвалялись как образец небес и земли, перед которым меркнут все шесть миров.

Лицо, которое все пути бессмертных восхваляли до небес, низвергнувшись в мирскую пыль, естественно, могло насмерть напугать. Цзи Цинбай внимательно осмотрел и обнаружил, что под левым глазом Тань Чжана почему-то появилось родимое пятно в виде алого лотоса. Он уже заподозрил, не опять ли это проделки той подлой птицы Бай Чао, как донёсся слабый плач Цзи Юй.

Трёхлетняя Цзи Юй ещё плохо говорила. Несколько маленьких евнухов закидывали её камнями по голове. Тань Чжан наблюдал, как за представлением, сидя на носилках, и в уголках его губ даже играла улыбка.

Вскоре Цзи Юй перестала издавать звуки от ударов камней. Ближайший евнух опустился на колени у ног Тань Чжана.

Цзи Цинбай увидел, как Тань Чжан презрительно скривил губы, закрыл глаза и с видом крайней скуки произнёс.

— Выбросьте в колодец.

Цзи Цинбай подумал, что его Почтенный Будда и впрямь дьявол!

Цзи Цинбай вытер холодный пот со лба и подумал, что в конце испытания его ударит молния!

Цзи Юй тогда, в конце концов, не умерла, но повреждение трёх душ и шести духов мало чем отличалось от смерти.